

Медиакарнавал в эпоху глобализации

Иосиф Дзялошинский

«В эпохи великих переломов и переоценок, смены правд вся жизнь в известном смысле принимает карнавальный характер...»

М.М. Бахтин

В статье анализируются карнавально-смеховая культура в современном обществе и средствах массовой информации. Представлена авторская концепция формирования карнавальной культуры, проанализированы особенности карнавализации действительности в эпоху глобализации и медиатизации, сформулированы гипотезы по поводу вероятных моделей развития карнавала

Ключевые слова: карнавал, СМИ, глобализация, медиатизация.

Карнавал: теоретические модели

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, карнавал – народное гулянье с уличными шествиями и переодеваниями¹. Если не вдаваться в тонкости, то вполне можно согласиться с обыденным смыслом, который большинство людей вкладывает в слова «карнавал» и «маскарад», – это праздник. Иногда добавляют – праздник жизни.

В России теоретическая модель, объясняющая смысл карнавала и маскарада, была разработана М.М. Бахтиным, который на многие годы вперед определил основное направление изучения карнавала. Ученый представил свою теорию в работах «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Присущее «Гаргантюа и Пантагрюэлю» парадоксальное сочетание многочисленных «ученых» образов и простонародной (а часто и непристойной) комики М.М. Бахтин объяснил значимым воздействием на Ф. Рабле площадной смеховой культуры средневековья. В этой книге М.М. Бахтин назвал мир карнавала с его обрядами, перевернутыми «с ног на голову» понятиями и соответствующими моделями поведения человека «карнавально-смеховой культурой». Смеховая

© Дзялошинский Иосиф Михайлович
доктор филологических наук, профессор
факультета коммуникаций, медиа и дизайна
Департамента медиа
НИУ «Высшая школа экономики»
(г. Москва, Россия), imd2000@yandex.ru

культура – это фактически мир, параллельный обычному, некий «антимир», выход из повседневной реальности. Во второй книге использование концепции карнавализации позволило осмыслить как целое такие необъяснимые ранее особенности поэтики Ф. Достоевского, как соединение исповедального с фантастическим и серьезного со «смеховым».

М.М. Бахтин писал: «Смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существенных форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность»². Смех, по его мнению, устраняет одноплановость и однозначность миропонимания, переворачивает «нормальный мир», показывает его изнаночную сторону. В различных культурах смеху отводились определенные моменты, когда он опрокидывал официальный порядок и становился полновластным хозяином в мире (карнавалы, скоморошеские праздники и др.). «На протяжении всего года были рассеяны островки времени, ограниченные строгими праздничными датами, когда миру разрешалось выходить из официальной колеи. Были специальные служители смехового мира – люди, которым было позволено быть смешными, смеяться или смешить (шуты, скоморохи, балагуры, дураки, юродивые и др.)» (Обухов, 1999).

При этом М.М. Бахтин настойчиво повторяет мысль о том, что праздничность – существенная особенность всех смеховых обрядово-зрелищных форм средневековья. А всякое празднество – это очень важная первичная форма человеческой культуры.

С чем можно согласиться в бахтинской концепции карнавала, так это с тезисом о том, что в карнавальной культуре решающее значение приобретает враждебное (мы бы сказали – насмешливое) отношение ко всему общественному мироустрой-

ству, претендующему на незыблемость и вечность. Народная интуиция свидетельствовала, что не может быть вечным тип общественной организации, требующий отказа от радостей жизни. Именно поэтому карнавальный язык проникнут сознанием веселой относительности господствующих правд и властей. Отсюда разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанации, шутовских увенчаний и развенчаний³.

Имеет смысл более подробно остановиться на тех современных концепциях карнавализации современной культуры, которые основаны на идеях М.М. Бахтина. Прежде всего стоит отметить, что ряд авторов приписывает карнавалу огромное количество разнообразных функций. Например, в одной из диссертаций говорится о том, что «карнавал как элемент в системе праздничной культуры характеризуется полифункциональностью, при этом комплекс основных выполняемых им функций составляют: мировоззренческая, коммуникативная, регулятивная, аксиологическая, трансляционная, воспитательная, художественно-эстетическая, креативная, компенсаторная, релаксационная, иерархическое распределение которых может выстраиваться по-разному, в зависимости от характера самого праздника, общего социокультурного контекста и структуры праздничной культуры, в которую он включен» (Ляшок, 2004).

Большое внимание современные исследователи карнавала уделяют осмыслению его роли в разрешении противоречий современной культуры. Так, М.А. Загибалова (2008), придерживаясь концепции М.М. Бахтина, считает, что «кризисы культуры» являются естественными этапами ее развития, которые и отражаются в процессе карнавализации. По мнению Е.В. Улыбиной (2001: 27), «результатом карнавала <...> является преодоление разрыва между официальной культурой, моралью,

законами, принятие их как личностных ценностей и, что подчеркивал М.М. Бахтин, развитие самой культуры за счет разрушения однозначности, жесткости форм, завершенности».

Активно исследуется вопрос о соотношении роли личности и массы в карнавале. Существуют теории, которые отрицают индивидуальное начало в карнавале. Так, Б. Гройс (1997) полагает, что конкретную индивидуальность М.М. Бахтин понимает как определенную телесность, обреченную смерти: культурное бессмертие получает коллективная душа. В.В. Назинцев (1997), в целом отрицая возможность «рождения карнавала в отдельном человеке», все же замечает: «творцы народной культуры, смеховой в том числе, – безымянны, но это совсем не значит, что их не было или нет». Другие исследователи напоминают о значимости таких карнавальных персонажей, как «дурак», «шут», «юродивый», «трикстер», «клоун». Большую популярность эти герои приобрели в теориях о природе искусства, в работах по эстетике эпохи романтизма (Рихтер, 1981). Проявление индивидуальности в качестве творца новых карнавальных форм ярко отразилось в актуальном постмодернистском искусстве, в котором художники этого типа культуры стали отождествляться с клоуном, трикстером, буффоном, шутом, юродивым (Ф. Феллини, В. Полунин, Д. Эдвардс, С. Дали, Д. Дешамп и др.).

М.Я. Куклинская (2001) рассматривает такие аспекты, как: карнавал и принцип романтической иронии; карнавал и романтическая концепция игры; миф; праздник; игра; поэтическое; романтическая ирония. В поле зрения автора находится позитивный аспект карнавала: возможность поиска личностью своей индивидуальной творческой траектории развития в карнавальном пространстве переходов.

В работе «Карнавализация творческого сознания художника в культуре русского

авангарда» исследователь Е.Ю. Иньшанкова (2001: 40) затрагивает созвучные с М.Я. Куклинской темы: «театрализация жизни и творчества художника, пришедшая из эпохи символизма, понималась как некая ситуация контакта и взаимодействия авангардного театра и новаторской культуры, а также как образ жизни художников и поэтов, традиционно обладавший налетом яркой праздничности и карнавальности <...> свойственных богеме». Она также заостряет свое внимание на роли личности в карнавальной культуре и искусстве: «смеховое начало и карнавальное мироощущение не только являются важным элементом жизни, но и началом, которое имеет свойство особенно ярко проявляться в периоды больших перемен в сознании <...> “когда человеческое сознание, мысль и воображение” открывают для себя новые цели».

Среди ученых получила сегодня широкое распространение мысль о слиянии, перемешивании в современной культуре профанного и сакрального. М.А. Загибалова (2012) отмечает неизбежность со временем процесса мутации карнавала. Если раньше он был временно и пространственно выделен в культуре и обществе, то сегодня уже нет и не может быть четкого разграничения между карнавалом и ежедневностью в силу изменения самой культуры. По мнению Н.А. Хренова (2001), это объясняется тем, что в современном мире происходит наложение одной картины мира на другую. Исследователь подчеркивает преобладание в современной художественной картине мира «личностного начала». Оно проявляется в процессе карнавализации, создавая «реальность, допускающую множественность картин мира, что свидетельствует о вторжении в культуру личного начала» (Хренов, 2001: 88). Развитие карнавализации он связывает с индивидуальным художественным процессом персонификации «антипове-

дения», который, в свою очередь, связан с категорией комического.

Приведенный выше краткий обзор существующих отечественных теоретических моделей карнавально-маскарадной культуры дает возможность поставить вопрос о том, возможны ли принципиально иные, не бахтинские понимания этой сферы жизни людей? На наш взгляд, не только возможны, но и необходимы.

Карнавал в системе жизненного мира

Наша позиция по поводу карнавала основана на том, что любые размышления о человеке и формах его жизнедеятельности надо начинать с осмысления того, что такое человек и его жизненный мир. Потому что любые действия либо единичного, либо коллективного человека осуществляются для самосохранения или саморазвития в заданных жизненных условиях.

И в этой связи очень важно разобраться с многократно используемыми М.М. Бахтиным и особенно его последователями понятиями «смеховая культура», «карнавальная культура», «маскарадная культура», «карнавально-маскарадная культура», которые авторами используются как однозначные. Если проанализировать контексты, в которых применяются эти категории, то станет очевидным, что под культурой понимается сфера эстетического, художественного самовыражения. Иногда еще – некий текст. Не имея ничего против такого толкования культуры, отметим, что возможны и, на наш взгляд, необходимы иные смысловые образы этой категории.

Не вдаваясь в рассмотрение истории становления категории «культура» и множества существующих интерпретаций этой категории (подр. см.: Дзялошинский, 2017), обозначим наш подход к ее пониманию. На наш взгляд, адекватное понимание сущности культуры предполагает встраи-

вание этой категории в понятийный ряд, в основании которого находится понятие «жизненный мир», то есть та среда, в которой в каждый момент своей жизни пребывает индивид. Это понятие – «жизненный мир» – довольно активно исследуется философами и психологами (см.: Шютц, 1988; Ним, 2010; Левин, 1980 (а, б), 2000 (а, б); Василюк, 1984).

Итогом этого рассмотрения можно считать тезис о том, что жизненный мир – это совокупность всех факторов и обстоятельств, в пространстве которых только и может жить и «самоосуществиться» данный индивид. Этот мир, оставаясь объективным и материальным – не физический. Это – жизненный мир, и в качестве такового он имеет две резко отличающиеся стороны: внешнюю и внутреннюю.

Внешняя сторона жизненного мира представляет собой сферу, которая рассматривается как источник ресурсов, необходимых для воспроизводства и развития человека как целостности. Это та «жизненная почва», из которой индивид получает то, без чего невозможно его становление и самоосуществление. Так понимаемый внешний мир структурируется на некие пространства и поля, которые могут менять свои очертания и границы в зависимости от множества факторов. При этом любая открытая саморазвивающаяся система (и отдельный человек, и сообщество людей) стремится расширить границы параметров внешней среды, благоприятные для существования. Это достигается двумя путями: за счет изменения собственных качеств (самоадаптации) и качеств внешней среды.

Внутренняя сторона представляет собой совокупность движущих сил жизнедеятельности, пользуясь которыми индивид овладевает «внешним миром». Таким образом, понятие «внутренний мир» является наиболее широким, интегральным термином, связывающим воедино все ка-

чества и свойства, предопределяющие степень личной суверенности индивида.

Важнейшей характеристикой жизненного мира является степень его устойчивости/изменчивости. В устойчивом жизненном мире все понятно: человек не нуждается ни в новой информации, ни в способах ее получения. Совсем другая картина в неустойчивом жизненном мире. Здесь надо постоянно контролировать внешнюю среду и успевать менять способы жизни в зависимости от происходящих во внешней среде изменений.

Еще одной особенностью жизненного мира является степень его комфортности. Используя оппозицию «комфортный – дискомфортный мир», Ф.Е. Василюк (1984) определяет отношения людей к жизни:

1) Внешне легкий и внутренне простой жизненный мир – тип «Инфант». В таком мире живут дети до своего рождения и в первые годы жизни. Но есть и взрослые люди, остающиеся инфантильными, живущие просто и легко. Центральный принцип их мира – удовольствия. Инфантилизм – это пласт сознания каждого взрослого человека, который обуславливает гедонистические склонности.

2) Внешне трудный, внутренне простой жизненный мир – тип «Фанатик». Он понимает, что блага нужно заслужить или добиться их. Фанатик не знает сомнений, вины, совести и стыда. Ради цели Фанатик готов на многое: он необдуманно рискует, для него приемлема любая жертва, а цель всегда оправдывает средства.

3) Внутренне сложный, внешне легкий жизненный мир – тип «Философ». Он долго думает, колеблется в принятии решений, взвешивая все «за» и «против». В его душе один конфликт сменяется другим, но в какой-то момент количество переходит в качество – у Философа вырабатывается ценностное сознание. Что ценно, то и выбирается – таков его принцип. Правило становится принципом после того как

человек признает его истинность, оттачиваясь от собственного жизненного опыта, который нередко бывает горьким. Но именно так человек учится жизни.

4) Внешне трудный и внутренне сложный жизненный мир – тип «Творец». Здесь развивается элемент, необходимый для целостности личности – воля. Воля не как человеческая способность (она формируется еще в детстве), а как стремление к желанной жизни. Активное и сознательное созидание и есть жизненное творчество, являющееся принципом Творца. Человек становится способным изменить реальность и стать счастливым. Когда самореализация становится невозможной, а в процесс реализации жизненной цели вклинивается слишком большое препятствие, случается кризис. Он толкает человека развиваться дальше, находить новые цели, преобразовывать свое «Я».

К этой замечательной модели мы хотели бы добавить одно небольшое уточнение. Формирование отношения к жизненному миру всегда начинается с модели «Инфант». Пребывание ребенка в утробе матери и первые месяцы жизни формируют именно такую матрицу видения действительности, отношения к ней и реагирования на ее вызовы. Главная особенность этой матрицы – ожидание доброжелательности окружающего мира в лице матери. По мере взросления ребенок на интуитивном уровне понимает, что этот мир предназначен для радости и игры. Разумеется, по мере дальнейшего взросления ребенок начинает осознавать, что не все в этом мире обстоит так удобно для удовлетворения его потребностей. И дальше, в зависимости от условий жизни, формируются другие матрицы, о которых пишет Ф. Василюк. Но при всех наслоениях будущих матриц в глубине личности всегда тлеет, а иногда ярко горит исходная матрица: человек рождается для игры и для радости (высшим выражением которой является

Таблица. Предпочтительные типы отношения к жизни (ранги)

Жизненные матрицы	Личный выбор	Ближние люди	Общество
Инфант	3	4	1
Фанатик	4	1	2
Философ	1–2	2–3	3–4
Творец	1–2	2–3	3–4

счастье). И когда появляются хоть самые минимальные возможности, человек организует свою жизнь по законам игры и радости. А если не представляются, человек создает их.

Для определения степени предпочтительности различных жизненных матриц у современных россиян нами было проведено анкетирование по случайной выборке, в котором приняли участие 170 человек (жители Москвы). Это мужчины (37%) и женщины (63%) в возрасте от 20 до 60 лет со средним и высшим образованием, работающие в органах власти, промышленности и сфере образования как на руководящих должностях, так и рядовыми сотрудниками. Респондентов просили определить, какой из предложенных Ф. Василюком типов отношения к жизни кажется самым привлекательным им самим, их родным и близким, а также является таковым с точки зрения интересов и требований общества (см. табл.).

Такое распределение жизненных матриц хорошо коррелирует с данными, полученными нами в ходе другого исследования, проведенного для определения наиболее серьезных претензий к российским СМИ, которые занимают в настоящее время одну из лидирующих позиций в процессе социализации людей, их ориентирования, в том числе и в выборе жизненных стратегий. Исследование показало, что в числе десяти «смертных грехов» массмедиа наиболее страшными экспертами были объявлены следующие: навязывание недостоверной повестки дня; создание

иллюзорной картины мира; формирование нереалистичных жизненных сценариев (Дзялошинский, Дзялошинская, 2011). Таким образом, можно предположить, что иерархия жизненных матриц, выстроенная нашими респондентами с позиции общества, является производной от циркулирующих в медиапространстве и воспринимаемых обществом образов жизни, к которым должен стремиться человек.

Обозначим своеобразие того жизненного мира, в котором пребывали люди, создававшие карнавал. Главной особенностью этого мира был тяжелый, изнурительный труд, чаще всего не имевший никакого личностного смысла. Избавление от такой деятельности было вечной мечтой человечества. Неслучайно в глубокой древности возникли учения, пытавшиеся обосновать возможность не трудиться. В древнекитайском труде «Дао Дэ Цзин», написанном примерно в VI в. до н.э., были сформулированы принципы «у-вэй», «ничегонеделания», пассивного ожидания. Автором этого масштабного труда, по некоторым данным, считается легендарный Лао-цзы. Другой китайский философ – Чжуан-цзы – в IV в. до н.э. говорил о необходимости созерцательной пассивности. У итальянцев есть понятие *La Dolce Far Niente*, («сладкое безделье»). Считается, что оно введено в обиход Плинием Младшим, жившим в 61–113 гг. н.э. Этим понятием обозначается то самое беззаботное ничегонеделание, когда есть возможность вернуться домой после пары

часов работы, вздремнуть, затем выпить бокал вина или чашечку кофе⁴.

Вторая особенность жизненного мира – личная зависимость большинства людей от вполне конкретного хозяина (рабство, крепостное право). Третья – постоянный голод (хорошо известно, как питались рабы и крепостные крестьяне). Все это сопровождалось постоянными негативными эмоциями страха и гнева, приводившими к тяжелым эмоциональным травмам.

Жизненная практика выработала несколько основных моделей снятия этого диссонанса: индивидуальное бегство в «страну счастья» (которая чаще всего оказывалась ничем не лучше той, откуда удалось бежать); коллективное восстание, как правило, заканчивавшееся гибелью восставших (Спартак); изобретение игровой формы, обеспечивавшей хотя бы временное освобождение от труда, получение возможности досыта поесть и высказать все, что накопилось на душе по поводу властителей жизни.

Так был изобретен карнавал – игровая реализация мечты о нормальном мире. В нем много еды, удовольствий, веселья и совсем не надо работать. Что касается еды, то хорошо известно, что во всех старинных карнавалах она была чуть ли не главным героем. Например, с едой связано само существование такого колоритного жанра старонемецкой поэзии, как *Fresslied* – песни обжор. Ее образец находится в одном из шванков комического «бестселлера» германской средневековой культуры – эпопеи «Нейгард Лис» (XIII–XV вв.).

Дизайн и содержание любого карнавала не позволяет даже допускать мысль у людей о том, что где-то надо работать или зарабатывать. Мотивы чрезмерного насыщения, продуктового гигантизма, праздничного изобилия нередко идут рука об руку с другим мотивом: изобилие не может быть произведено, заслужено, зара-

ботано – его лишь можно откуда-то взять, украсть, присвоить в уже готовом виде.

Карнавал давал возможность подураться самому или порадоваться тому, как дурачатся другие. Сброс, низвержение рационального начала, восстановление в правах эмоциональности составляют очень важный элемент карнавала. При этом сами эмоции должны быть предельно высокого ранга, еще лучше – достигающие уровня экстаза.

Современный карнавал в эпоху глобализации и медиатизации

Из множества особенностей современного мира выделим две главные: глобализация и медиатизация. По поводу глобализации написано так много, что почти невозможно сказать что-нибудь новое. Что касается медиатизации, то с точки зрения исследуемых в данной статье проблем, важно отметить, что, как писал С. Жижек, человек, захваченный и погруженный в медиакультуру, сам становится продуктом новых медиа. Медиатизация – это процесс превращения реального объекта в искусственный: «тело, которое почти полностью “медиатизировано”, функционирует с помощью протезов и говорит искусственным голосом»⁵.

Анализ работ современных исследователей массовых коммуникаций дает основание для вывода о том, что превращение сообщения в образный медианарратив, а также индивидуально-бытовой характер потребления массового информационного продукта не могут не приводить к радикальной мутации самих форм участия широкой общественности в совместном производстве социально значимых смыслов. Непосредственная очевидность события, требующая проявления гражданской активности и прямого вмешательства, уступает место семиотической очевидности удаленного наблюдения. Человек становится Зрителем.

В результате у гражданина постепенно исчезают стимулы для непосредственного участия в общественной жизни, в частности политике. Известные американские социологи П.Ф. Лазарсфельд и Р.К. Мертон (2000:186) даже называли СМИ социальным наркотиком, формирующим альтернативную реальность в сознании человека: «Гражданин может быть доволен своим высоким уровнем информированности, не замечая своей оторванности от принятия решений и действий. Короче говоря, он воспринимает свои вторичные контакты с миром политической реальности – чтение, прослушивание, размышление – как некое замещающее действие. Он делает ошибку, отождествляя знание о проблемах дня с действиями в отношении них. Его совесть абсолютно чиста. Он находится в курсе дела».

Одним из следствий этих процессов становится явление, которое известный экономист и политик Г. Явлинский назвал карнавализацией экономики и политики. Так, оценивая действия президента США Д. Трампа в экономической сфере, Явлинский констатирует: «То, что уже было таким трудом достигнуто в предыдущие годы и, казалось бы, прочно закреплено практикой – например, отказ от торговтарифных “войн” для сбалансирования двусторонних торговых потоков, – в эпоху карнавальной политики оказалось непрочным и обратимым. Сегодня на место долгосрочных стратегий, горизонт которых уходит за пределы индивидуальной жизни, приходят печально известные “здесь и сейчас”, мировая экономика возвращается к практикам столетней давности»⁶. И это тоже часть процесса карнавализации политики. При этом фундаментальный смысл политики – согласование конфликтующих интересов и поиск общего вектора, ведущего общество к развитию – теряется в постоянной смене рейтинговых сюжетов. Политики все меньше заняты выявлением

общественных проблем и их решением и все больше публичными кампаниями, созданием эффектных медийных образов и политтехнологической работой с массовым сознанием⁷.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что древнеримский принцип «хлеба и зрелищ», обеспечивавший стабильность и относительное спокойствие в императорском Риме, в современном мире существенно трансформировался.

Во-первых, усложнились требования и к «хлебу», и к «зрелищам». «Хлеб» превратился в бесконечные изыски кулинарного искусства разных народов, непрерывно предлагаемые бесчисленными ресторанными заведениями, с одной стороны, и кулинарными шоу на всех каналах телевидения – с другой. «Зрелища», под которыми бедный римлянин понимал бои гладиаторов, теперь стали гигантской индустрией. Сотни телевизионных каналов в круглосуточном режиме предоставляют любому индивиду любые зрелища: и самые изощренные, и самые примитивные.

Во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов психологическую проблему, о которой шла речь выше: нарастающее ощущение у множества людей своей не востребоваемости, социальной слабости. При этом можно добавить стойкое недоверие к любым социальным и политическим активностям. Именно такие люди требуют и получают игровые и карнавальные модели самореализации. Вымышленное, фантазийное, игровое – этот понятийный ряд, до недавнего времени принадлежавший, по преимуществу, искусству, художественному творчеству и детству, теперь характеризует социум в его реальном воплощении (Волкова, 2015: 10). Современное общество «игроизировано» («игроизация – процесс проникновения игровых элементов в иные сферы человеческой реальности» (Ретюнских, 2005)) или «играйзировано» («многие профессиональ-

ные деятельности и различные игровые практики, которые традиционно считались второстепенным занятием, не только сближаются, но и сливаются, образуя парадоксальный синтез. Этот новый процесс мы назвали играизацией» (Кравченко, 2008: 270)). Оно стремится играть практически во всех сферах жизни, вплоть до политики и экономики. При этом игра активно проникает во многие действия, так или иначе связанные с завоеванием и удержанием внимания, мотивированием аудитории, модерированием информационных процессов и передачей информации любого содержания.

К.В. Барина (2009) относит к формам карнавализации культуры и быта празднества, шествия, митинги, публичные театрализованные действия, декоративное оформление бытового пространства, публичные диспуты, состязания, обсуждение всех заметных современных явлений искусства, науки, политики, морали, быта, расцвет эстрады и рост популярности цирка. Результатом этих процессов становится превращение СМИ, особенно телевидения, не только в пространство игр, но и в своеобразного организатора и модератора глобальных карнавалов⁸. То есть сама жизнь на экране становится непрерывным зрелищем. Это может быть радостно-рекламное карнавальное зрелище или карикатурно-ужасное представление, когда репортеры соревнуются в показе самых страшных картинок, эффектно снятых во время природных катастроф или военных операций. Даже обычные новости подаются как зрелище. В свое время журналист Л.Ю. Новоженков объяснял это явление следующим образом: «Новые телевизионные решения необходимы, потому что мы живем в театрализованную эпоху»⁹.

Однако помимо карнавальных картинок «из жизни» телевидение творит собствен-

ный карнавал. Сюда стоит отнести разнообразные варианты игровых программ и программ-состязаний. Это всем хорошо известные передачи: «Поле чудес», «Угадай мелодию», «Кто хочет стать миллионером?», «Своя игра», «Утренняя звезда», «Цирк со звездами», «Танцы со звездами», «Танцы на льду», «Ледниковый период», «Кулинарный поединок», «Минута славы», «Большой балет», «Большая опера», «Большой джаз», «Голос» и т.д. И уж совсем карнавальные программы: «Маски-шоу», «Джентльмен-шоу», «Аншлаг», «Субботний вечер», «Вечерний Ургант» и т.д. В Интернете существуют также специальные каналы типа *Stv Show*, посвященные карнавалам, танцам, развлечениям, отдыху¹⁰. Содержание и подача материалов практически на всех, размещенных в Сети ресурсах, даже не предназначенных для развлечения, вызывают ощущение, что основным их предназначением является «карнавализация» фактов, событий и самой жизни.

В заключение возьмем на себя смелость сформулировать гипотезы о том, как будет развиваться маскарад в ближайшем будущем. В частности, можно предположить, что тот виртуальный мир, который с упоением создают нам сегодня власти мира реального, будет имитировать мир яркой жизни, где будет много секса и агрессии, где можно будет уничтожать роботов и монстров, принимать любой карнавальное облик и не нести никакой ответственности за свои поступки, тем более совершенные под маскарадной маской. Разумеется, это лишь предположение. Остается только надеяться, что человечество не заиграется до такой степени, что уничтожит само себя и все свои достижения, а сохранит планетарный разум и сможет остановиться перед «точкой невозврата», пока не появилась надпись *Game over!*...

Примечания

- ¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/karnaval>
- ² Цит. по: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=53048&p=1>
- ³ Там же.
- ⁴ У-ВЭЙ: 5 принципов правильного безделья. Режим доступа: <http://bomba.co/u-vej-5-printsipov-pravilnogo-bezdelya/>
- ⁵ Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 125. Режим доступа: <http://old.kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25>
- ⁶ Явлинский Г. Разворот: от карнавала к развалу // Радио «Эхо Москвы». 2018. Окт., 27. Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/yavlinsky_g/2304042-echo/
- ⁷ Там же.
- ⁸ Помимо веселых и радостных карнавалов, проходящих в Рио-де-Жанейро или Венеции, в мире немало и страшных праздников. Это и Хеллоуин, который стал в России весьма популярным; и праздник святой Марты де Рибартеме; и вальпургиева ночь; и фестиваль голодных духов; и день мертвых; и фестиваль вегетарианцев на Пхукете. Желающие могут найти соответствующую информацию в Интернете.
- ⁹ Новоженев Л.Ю. О «Времечке» и о себе. М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. С. 47.
- ¹⁰ Карнавал на канале Stv Show. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Tc4vYN25ZiY>

Библиография

- Барина К.В. Рецепция теории карнавала Бахтина в трудах русских ученых // Пьесы Н. Эрдмана в контексте карнавализованной советской драматургии 1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. С. 47–60.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965.
- Василук Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. Режим доступа: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Psihologiya_perezhivaniya.pdf
- Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
- Гройс Б. Тоталитаризм карнавала // Бахтинский сборник. Вып. 3. М.: Лабиринт, 1997. С. 77–80.
- Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Десять «смертных грехов» журналистики глазами будущих журналистов // Медиаскоп. 2011. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/952>
- Дзялошинский И.М. Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты: в 2 т. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2017. Т. I

Иньшакова Е.Ю. Карнавализация творческого сознания художника в культуре русского авангарда // Мир психологии. 2001. № 4. С. 39–46.

Загibalова М.А. Феномен границы в современной культуре // Культурология. 2012. Вып. 5. Режим доступа: <http://www.online-science.ru/m/products/cultyrology/gid225/pg0/>

Загibalова М.А. Феномен карнавализации современной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2008.

Кравченко С.А. Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. Вып. 11. М.: Октопус-Природа, 2008. С. 270–276.

Куклинская М.Я. Карнавал в открытии творческой индивидуальности (карнавальность и философия романтизма) // Мир психологии. 2001. № 4. С. 33–38.

Лазарсфельд П., Мертон Р. Наркотизирующая дисфункция средств массовой коммуникации // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд.-во Казанск. ун-та, 2000.

Левин К. (а) Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1980.

Левин К. (а) Разрешение социальных конфликтов. СПб: Речь, 2000.

Левин К. (б) Теория поля в социальных науках. СПб: Сенсор, 2000.

Левин К. (б) Топология и теория поля // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1980.

Ляшок А.С. Карнавал как форма праздничной культуры: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2004. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/karnaval-kak-forma-prazdnichnoi-kultury-filosofsko-kulturologicheskii-analiz>

Назинцев В.В. Смеховая синергетика мира // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 34–60. Режим доступа: <http://nevmenandr.net/dkx/?abs=NAZINCEV&n=1&y=1997>

Ним Е.Г. Жизненный мир и массмедиа: онтологические трансформации // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2010. № 16 (197). С. 34–40.

Обухов А. Современное состояние смехового мира в русской традиционной культуре (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 1993–1998 гг.) // Развитие личности. 1999. № 2. С. 140–157. Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/rl02_99/493.html

Ретюнских Л. Игра и игроизация в поле субъектного выбора // Развитие личности. 2005. № 3. С. 61–69. Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/rl03_05.html

Рихтер Ж.-П. Приготовительная школа эстетики. М.: Искусство, 1981.

Улыбина Е.В. Карнавал и психоанализ – наложение пространств // Мир психологии. 2001. № 4. С. 20–33.

Хренов Н.А. К вопросу о возрождении древней смеховой стихии в художественной картине мира 20 века // Мир психологии. 2001. № 4. С. 87–97.

Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. Режим доступа: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf>